

Харамзин Т. Г., Харамзин В. Т.

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», Ханты-Мансийск

**Теоретические аспекты изучения традиционного природопользования
обских угров: социологический аспект**

**Theoretical aspects of studying of traditional wildlife management obsky ugrov:
sociological aspect**

УДК 502.3 ; 908 ; 39

Аннотация. В условиях интенсивного развития нефтегазового комплекса происходит количественное сокращение и качественное ухудшение территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (оленьих пастбищ, рыболовных и охотхозяйственных угодий), параллельно утрачиваются традиционные навыки, самобытная культура, языки, уменьшается число жителей, занятых традиционными видами деятельности. Малочисленные народы Севера оказались втянутыми на выживание в условиях рыночных преобразований. В статье приводится оценка путей дальнейшего развития этих народов.

Summary. In the conditions of intensive development of an oil and gas complex there is a quantitative reduction and qualitative deterioration of territories of traditional wildlife management of the radical small people of the North (pastures of deer, fishing and hunting of economic grounds), are in parallel lost traditional skills, original culture, languages, the number of the inhabitants occupied with traditional kinds of activity decreases. The small people of the North have appeared involved on a survival in the conditions of market transformations. Scientists state an estimation of ways of the further development of.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, традиционное природопользование, варианты развития: автономный, интегральный и европейский пути движения.

Keywords: radical small people of the North, traditional wildlife management, development variants: independent, integrated and european ways of movement.

Проблемы выживания коренных малочисленных народов Севера, сохранения и развития традиционного образа жизни и экономики традиционного природопользования и соответствующих форм занятости этих народов в современном мире обсуждается международным сообществом более 50 лет. В нашей стране о таких проблемах ученые, специалисты и интеллигенция открыто заговорили с 1988 года. С этого момента в официальных документах и научных публикациях обсуждаются показатели систематического ухудшения демографического и социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера. За 1990-е годы уменьшились их рождаемость и средняя продолжительность жизни, выросли младенческая смертность, смертность от несчастных случаев, безработица, алкоголизм и др. Причем перечисленные показатели превышают аналогичные средние показатели по России.

Кроме перечисленных существуют и другие проблемы: утрата языка, традиционных навыков, широкое распространение межэтнических браков, уменьшение числа коренных жителей Севера, занятых традиционными видами деятельности, сокращение площадей, пригодных для развития традиционного природопользования и др. Эти данные трудно учитывать и интерпретировать, поэтому разные авторы дают им различные оценки. К примеру, данные о родном языке, полученные в результате переписи 1989 г., отличаются от полученных при индивидуальном опросе. Наши исследования показали, что процент людей, использующих родной язык в семейно-бытовой и производственной сферах, оказывается значительно выше, чем процент «владеющих родным языком» по данным переписи. Или показатель «занятых в традиционном хозяйстве» трудно установить, так как в последние годы при уменьшении официального числа занятых в традиционном хозяйстве растет число коренного и старожильческого населения, неофициально живущего за счет натурального хозяйства, что обусловлено высоким уровнем безработицы. Тер-

ритории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера сокращаются за счет прямого расширения площадей нефтедобычи, что можно определить по данным землеотвода и ухудшению экологической ситуации.

Перечисленные проблемы сводятся к двум главным: 1) неблагоприятные социально-экономические условия жизни коренных малочисленных народов Севера; 2) сокращение территорий, пригодных для развития природопользования и поддержания традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности.

Современная специфика указанных проблем заключается в том, что для коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционный образ жизни, в ближайшее время альтернативы нет. По мнению О. А. Мурашко, период отбора на «приверженность к традиционализму» прошел в годы, когда представителей коренных малочисленных народов Севера переселяли в «укрупненные» поселки и посылали в города учиться на льготных условиях. Островки «традиционного образа жизни» коренных малочисленных народов Севера столь малы и уязвимы, что в настоящее время находятся под угрозой исчезновения [1, 83–94]. В зарубежных странах неоднократно пытались «интегрировать» коренные народы в индустриальное общество, но пришли к выводу, что без нарушения прав человека массовая интеграция невозможна, а традиционная культура и образ жизни имеют свою ценность. К концу XX века стало очевидно, что современный технический прогресс, ведущий к урбанистической унификации и энергетическому кризису, небезопасен для человечества. Поэтому девиз «права коренных малочисленных народов Севера» играет особую роль в борьбе за сохранение биологического разнообразия в экологическом движении.

Среди ученых существуют противоположные взгляды на развитие коренных малочисленных народов Севера в условиях современного освоения северных территорий: часть точек зрения не попадала на страницы печати, большая часть ограничивалась констатацией сложившегося тяжелого социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, другие сформировались в последние годы в ходе открытых дискуссий.

По мнению В. С. Дмитриева, выход из сложившейся ситуации возможен на основе «индустриального развития, предполагающего отказ от традиционного хозяйства и образа жизни», или «автономного развития традиционных форм хозяйства и культуры». Первый вариант – «европейская модель образа жизни» – означает для коренных малочисленных народов Севера полную утрату этнокультурной специфики и добровольную ассимиляцию. Второй путь – «автономное развитие традиционных форм хозяйства и культуры» – предполагает консервацию этнической специфики и самобытности этнических общностей.

В начале XIX в. Ф. Белявский указывал на необходимость политики консервации, изоляции аборигенов от русских жителей Севера. М. А. Кастрен отмечал пагубную роль русских в жизни аборигенов: первые закабаляют ханты и ненцев в результате неэквивалентного обмена, разлагающим образом действуют на моральные устои коренных жителей и т. д. [2]. А. И. Якобий в конце XIX в. высказал мнение, что туземные инородческие племена исчезают, «угасают» при сближении с европейской цивилизацией; об этом говорят исторические документы, статистические данные, свидетельства очевидцев, исследователей и путешественников. По его мнению, христианская цивилизация есть высшее благо для людей, и в то же время совершенно ясно, что инородцы стали исчезать именно с той поры, когда к ним пришли европейские люди с этим высшим благом под знаменем Креста, со словами религии, мира, любви и благоволения [3].

В. Г. Богораз высказал опасение, что соприкосновение отсталого населения тайги и тундры с цивилизацией вызовет губительные для него последствия, как это имело место при капитализме. В связи с этим он предложил создать своеобразные резервации, т. е. выделить в трудовое пользование народов Севера осваиваемые ими территории с запретом доступа туда переселенцев и, таким образом, обособить коренное население от воздействия соседей [4].

Идеи, выдвинутые В. Г. Богоразом, были отвергнуты, официальную поддержку получила точка зрения, в соответствии с которой необходимым условием существования коренных малочисленных народов Севера было взаимодействие с другими этническими общностями, а не изо-

ляция. При этом низкий уровень их исторического развития определял необходимость обеспечения социальной государственной опеки в виде особой помощи и защиты их интересов.

Сложность существующих проблем вызвала к жизни неоднозначные оценки тех или иных процессов, различные предложения относительно перспектив развития народов Севера. В этих условиях очень важным является строго научный подход к разработке тех концептуальных идей, которые будут положены в основу управления этими процессами. Одной из существенных задач является создание предпосылок превращения коренных малочисленных народов Севера в реальных субъектов этнических отношений. Необходимо образование такого механизма, который обеспечил бы непосредственное участие самих народов в выработке, принятии и реализации решений, определяющих их настоящее и будущее развитие [5].

В основе программы новосибирских ученых прослеживается «евроцентристский» подход, в котором традиционное хозяйство рассматривается как нечто несовместимое со сложившимся народнохозяйственным комплексом, и перспективы жизни коренных этносов видятся авторам сквозь призму «повышения роли северного региона в развитии производительных сил страны» [6].

По мнению И. И. Крупника, существует компромиссный вариант концепции новосибирцев [7], заключающийся в стимулировании традиционных отраслей хозяйствования, максимальном насыщении их современной техникой, оборудованием, то есть превращении в полупромышленные формы природопользования. Строительство гигантских изгородей и перевалочных баз со всеми удобствами, сменно-звеньевой выпас оленей и охотничий промысел – вот наиболее яркие символы такого подхода. «Новая жизнь» в тайге и тундре будет сочетаться с благоустроенным бытом в модернизированных поселках, построенных государством.

В последние годы стал очевидным поиск иного пути, способствующего созданию условий жизнедеятельности для коренного населения Севера, отвечающих как современным потребностям, так и реальным, сложившимся веками формам и способам хозяйствования. Это возможно в результате подъема традиционных отраслей и образа жизни на новый современный технико-технологический и организационный уровень с использованием сложившихся и проверенных многовековым опытом условий хозяйственной жизни: изменений в сфере воспитания и образования, культурно-досуговой, семейно-бытовой сферах с целью сохранения и развития национальной культуры, этнического самосознания.

По мнению авторов, «интегральный вариант» развития не требует искусственной консервации и насильственного ускорения их развития, поскольку и то, и другое отрицательно скажутся на этнонациональных отношениях. Такого мнения придерживаются Г. А. Агранат, К. Г. Барбакова, А. В. Головнев, В. М. Кулемзин, В. М. Куриков, Н. В. Лукина, В. М. Розин, В. Н. Саготовский, А. Н. Силин, З. П. Соколова, Н. Г. Хайруллина и др.

Так, по мнению А. А. Арбатова, «все народы имеют право выбора между развитием современного образа жизни и сохранением сложившихся локальных цивилизаций; но они имеют и право и, наверное, должны жить по возможности более комфортно. Но в некоторых случаях создание таких комфортных условий может нарушить сложившиеся обычаи, культуру. Здесь необходимо найти именно ту самую меру, которая позволила бы сохранить коренные народности, их культуру, и вместе с тем, дала бы максимум благ современной цивилизации». У В. Н. Саготовского «интегральный вариант» представляет «синтез на основе глубокого уважения исторически сложившихся форм единства культуры и природы и современного образа жизни».

Авторы считают, что по отношению к традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов Севера возможны два подхода. Первый – консервативный – состоит в сохранении традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера в естественном виде, т. е. в создании специальных для этого условий на части исконных территорий. Второй заключается в максимальном осовременивании традиционного уклада коренных малочисленных народов Севера с сохранением в неизменном виде основополагающих принципов.

Первое направление специалистам видится по-разному. Наибольший интерес с точки зрения резервирования традиционных отношений природопользования представляет идея создания этноприродных парков как формы сохранения и развития коренных малочислен-

ных народов Севера и среды их обитания. В 1995 г. мы предлагали организацию в местах проживания коренных малочисленных народов Севера этноэкологических парков. Данные формы могут рассматриваться как консервация в виде одного из укладов среди множества существующих, но не как форма эволюции коренных народов.

Уральские ученые рассматривают этноприродный парк как наиболее прогрессивную форму национально-территориальной автономии. Они считают, что на основе ее развития в исторически обозримом будущем можно выйти на качественно иную модель организации мест проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера – административно-корпоративное образование как основу более высокой, нежели существующая, формы государственности с устойчивым развитием. Они предлагают следующее определение данного образования: «Этноприродные парки являются новой организационно-правовой формой особо охраняемых территорий и образуются с целью сохранения природной среды, развития традиционного сектора хозяйства как экономической и социально-культурной базы развития коренных малочисленных народов».

Основой для развития коренных малочисленных народов Севера может являться второе направление, которое предполагает многослойность этнического образования и представляет собой переплетение ряда укладов в органическом единстве. Главным условием его успешного развития может быть только полное материальное самообеспечение коренных малочисленных народов Севера.

Этноэкологический парк является этнокультурной формой организации жизни и хозяйства семей коренных малочисленных народов Севера путем совмещения индустриальных элементов развития с точки зрения «традиционного» на конкретной территории. На необходимость создания этноэкологических парков мы указывали в середине 90-х годов.

Этноэкологический парк не является резервацией, и образование в этноэкологическом парке не должно быть направлено только на то, чтобы дети оставались там и вели традиционный образ жизни и хозяйственную деятельность. Этноэкологический парк должен быть центром, который является источником распространения инноваций в культурной и хозяйственной сферах деятельности.

Важной частью этноэкологического парка должны стать инновационные площадки в районах проживания коренных малочисленных народов. Для этого нужно создавать школы для изучения культурно-антропологических особенностей коренных малочисленных народов Севера и для переобучения преподавателей на базе существующего природного парка «Нумто». Фактически нужен пединститут, готовящий кадры для образования коренных малочисленных народов Севера. При этом необходимо строительство школ с полным набором того, что нужно для ведения традиционных и новых видов хозяйства.

Коренные малочисленные народы Севера выработали в течение своей истории определенные нормы, способы и формы жизнедеятельности в экстремальных природных условиях. Задача этноэкологических парков состоит в том, чтобы выявить этнокультурные основания форм и способов жизнедеятельности, описать их технологию и производить коррекцию индустриальных элементов развития с точки зрения «традиционного» на данной территории. Между тем существование в одной стране индустриального общества и традиционного – это проблема не только современной России, но и мира в целом.

Важнейшим индикатором, отражающим национальное самоопределение коренных малочисленных народов Севера, является оценка путей их дальнейшего развития. Из анкетного опроса, проведенного в середине 1993 года, выяснилось, что треть опрошенных хотели бы, чтобы их дети жили на своей земле, соблюдая обычаи предков, но при этом пользовались бы всеми благами цивилизации (сторонники «интегрального» варианта). Половина респондентов считают, что коренные малочисленные народы Севера должны жить как население других национальностей, находящихся в округе (сторонники «европейской» модели); и лишь 14% северян полностью отвергают чуждую им цивилизацию и выбирают образ жизни предков без всякого вмешательства и изменений (сторонники «автономного» развития). Аналогичные данные были получены и в середине 1995 года, но отношение респондентов к своей судьбе, начиная с 1997 года,

меняется. Как видим, в 2004 г. (табл. 1) число респондентов, выбирающих автономный вариант развития, выросло в 2,5 раза. Одновременно уменьшилось число респондентов, выражающих желание жить как население других национальностей, проживающих в округе. Число респондентов, выбирающих европейский образ жизни, уменьшилось на 17,3%.

Таким образом, за исследуемый период (1993-2005 гг.) произошли определенные изменения в национальном самосознании коренного населения округа.

Таблица 1. Динамика оценки вариантов развития коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа, в процентах к общему числу ответивших

Варианты развития	Сельское население					Городское население
	Годы					
	1993	1995	1997	1999	2004	1999 год
Автономный	14,0	14,0	8,0	8,4	20,2	3,5
Интегральный	33,0	34,0	21,0	16,0	21,5	28,1
Европейский	53,0	52,0	71,9	75,6	58,3	68,4

За последние годы приверженность традиционному образу жизни выражает значительно большая часть респондентов (в 1993-1995 гг. – 14%, в 1997 г. – 8%, в 1999 г. – 8,4%, в 2004 г. – 20,2%). Уменьшилась доля респондентов, отрицающих приоритетность национального самосознания (в 1993-1995 гг. – 52,0%; в 1997 г. – 71,9%; 1999 г. – 75,6%; 2004 г. – 58,3%), и в национально-культурном отношении она может представлять собой группу этнических маргиналов. Соответственно увеличилась доля респондентов – сторонников «интегрального» варианта развития с 16% в 1999 г. до 21,5% в 2004 г.

Интересно распределение ответов на этот вопрос в зависимости от социально-профессиональной принадлежности респондентов (табл. 2).

Таблица 2. Анализ выбора варианта развития респондентами ХМАО в зависимости от социально-профессиональной принадлежности, в процентах к общему числу ответивших

Социально-профессиональная принадлежность	Вариант развития		
	интегральный	европейский	автономный
Традиционные виды деятельности	70,3	12,3	17,4
Здравоохранение	75,6	22,2	2,2
Образование	100,0	0	0
Культура	83,3	16,7	0
Органы власти	66,7	33,3	0
Социальная сфера	82,1	10,3	7,6
Транспорт	71,4	28,6	0
Строительство	57,1	14,3	28,6
Коммерческие структуры	25,0	50,0	25,0
Безработные	72,8	16,2	11,0

Такие значительные расхождения в оценках путей дальнейшего развития коренного населения еще раз подтверждают вывод авторов о необратимом влиянии промышленной культуры на самосознание обско-угорских народов.

Другой вариант развития коренных малочисленных народов предлагает О. А. Мурашко – концепцию создания этноэкологических рефугиумов (убежищ). Основа этно употребляется авторами в приведенном словообразовании в значении локальные адаптивные варианты культуры жизнеобеспечения человеческих популяций в ходе культурной эволюции; экологический – в значении среда обитания, рефугиум – убежище.

К этноэкологическому наследию рефугиумов относятся: сама территория традиционного расселения и хозяйственной деятельности с флорой и фауной, обеспечивающей развитие традиционных видов природопользования, – «исконная среда обитания»; свидетельства хозяйственной освоенности территории с естественно сложившимися границами, системой пространственного и сезонного расселения населения, промысловых угодий, маршрутов кочевков, domestцированных популяций животных, сочетания разнообразных способов хозяй-

ственного освоения различных участков ландшафта и природно-климатических зон; соционормативные институты и народные знания, обеспечивающие долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации, – язык, мировоззрение, фольклор, организационная структура социальных и хозяйственных коллективов, система воспитания, системы запретов, временных изъятий из хозяйственного оборота участков территории в виде сакральных зон, локальные промысловые календари, знание съедобных, лекарственных и промысловых растений и минералов, способы лова, добычи, сбора растений и обработки продукции, домашние ремесла [8].

Отмеченный комплекс объектов природного и культурного наследия не охраняется в нашей стране ни одним из действующих законов. Между тем он является общенародным и общечеловеческим культурным и природным достоянием, которое обеспечивает культурно-адаптивную и экологическую безопасность.

По мнению О. А. Мурашко, этноэкологические рефугиумы, границы которых не изменяются путем соглашения частных лиц, должны иметь статус охраняемых природных территорий с особым режимом охраны природы, где реализуется традиционное природопользование на основе нормативов, разработанных организациями, осуществляющими демоэкологический мониторинг совместно с населением территории. Любая другая деятельность, не относящаяся к традиционным формам природопользования, на территории этноэкологического рефугиума запрещается или сводится к минимуму.

Эти положения означают, что эксплуатация возобновляемых ресурсов на данной территории может быть предоставлена лишь ограниченному кругу лиц. При его определении целесообразно учитывать этническую принадлежность и время проживания в данной местности, практический опыт в традиционных видах деятельности, а также традиционные навыки и умения, которыми владеют авторы. При разработке закона, создающего условия для развития традиционной культуры жизнеобеспечения и сохранения среды обитания коренного и старожильского населения, возникнут сложности следующего характера.

Во-первых, представление о традиционном образе жизни коренных малочисленных народов Севера как об архаической застывшей форме натурального хозяйства. Реальные территории традиционного природопользования для коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности, во многих местах доведены до минимума – посёлок и его ближайшие окрестности. На территориях, где промышленные разработки не ведутся, промысловые угодья зачастую используют новые арендаторы, которые часто не проживают в национальных поселках. Они занимаются речным ловом рыбы, охотой, оленеводством и экологическим туризмом, не выплачивая при этом никаких компенсаций коренному населению, поскольку это законодательством не предусмотрено. Правом сдачи угодий в аренду и получением за них компенсаций обладают местные органы власти.

При отсутствии государственного финансирования программ поддержки коренных малочисленных народов Севера традиционные ресурсы являются источником не только пропитания, но и всей системы жизнеобеспечения. Для этого территории традиционного природопользования должны отводиться в размерах, обеспечивающих устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия [9].

Во-вторых, какие мы имеем представления о формах самоорганизации и самоуправления на территориях традиционного природопользования? В последнее время ученые, в частности, А. И. Пика, акцентируют внимание на особенностях современного состояния образа жизни и природопользования. Эти разработки легли в основу концепции «неотрадиционализма», а именно «права в обмен на территории»: коренные малочисленные народы Севера России должны получить от государства финансовую поддержку и часть территорий традиционного расселения в свое управление в обмен на отказ от претензий на остальную часть своей исторической территории [10].

А. Н. Ямсков сделал попытку определения традиционного природопользования как «традиционного сектора экономики (народов Севера)», предложив определять «традиционность» через такие критерии, как «сохранение преемственности в использовании территорий

и акваторий..., преемственности в видах трудовой деятельности...», неизменность «типа получаемой для потребления или продажи продукции».

В законодательстве необходимо учитывать исторический опыт взаимодействия коренных малочисленных народов Севера с природной средой, новые институты их этнического самоуправления (ассоциации, общины), новые экономические и технологические идеи и современные экологические требования. Необходимо создать условия для таких способов взаимодействия с окружающей средой, которые обеспечивают сохранение основных принципов традиционного природопользования: всеобщую занятость членов конкретной общности в использовании возобновляемых природных ресурсов без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству.

Идеи создания этноэкологических парков, этноэкологических территорий, или резервантов высказываются российскими учеными, но понятийный аппарат для характеристики таких объектов, пригодный для использования в российском законодательстве, не разработан.

С учетом сказанного перечислим понятия и термины, предложенные О. А. Мурашко и Л. С. Богословской, наиболее полно характеризующие и раскрывающие, на взгляд авторов, сущность исследуемых задач.

Исконная среда обитания определяется через понятия территории традиционного расселения и хозяйственной деятельности – исторически сложившиеся и законодательно закрепленные предшествующим Российским законодательством за коренными народами Севера и Сибири территории, в состав которых входят земли, внутренние воды и морские пространства, на которых указанные народы ведут или вели традиционный образ жизни, основанный на историческом, культурном и экологическом опыте и традициях их предков.

Территории традиционного природопользования – части территорий традиционного расселения и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов и этнических общностей, определяемые по соглашению федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и Ассоциаций коренных малочисленных народов Севера в размерах, достаточных для обеспечения традиционного образа жизни указанных общностей, а также сохранения культурного наследия и качества окружающей природной среды на уровне, определяемом соответствующими законами.

Территории традиционного природопользования включают в свой состав промысловые угодья, оленьи пастбища, резервные и рекреационные территории, необходимые для поддержания генофонда объектов растительного и животного мира (нерестилища, запуски, пастбища и др.) и традиционного образа жизни.

Границы территорий традиционного природопользования как целостных природно-культурных комплексов, являющихся «основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории», обеспечивающих устойчивое развитие и сохранение биоразнообразия, представляющих собой разновидность охраняемых территорий, не могут быть изменены путем соглашения частных лиц.

Традиционный образ жизни – культурная адаптация к специфическим природным, географическим и историческим условиям коренных и местных общин, основанная на историческом опыте предшествующих поколений, нововведениях и практике в области природопользования, социальной организации, системы расселения, обычаях и традиционном мировоззрении. Кроме того, рассмотренное понятие включает следующие определения:

традиционное природопользование (хозяйствование) коренных малочисленных народов и этнических общностей Севера Сибири – исторически сложившиеся способы использования природных ресурсов и формы хозяйственной деятельности коренных народов и этнических общностей Севера, связанные с оленеводством, рыболовством, морским зверобойным промыслом, мясной и пушной охотой, собирательством дикорастущих растений, огородничеством, добычей некоторых видов минеральных ресурсов, связанных с развитием домашних ремесел, обеспечивающие пользование возобновляемыми природными ресурсами без подрыва их способности к устойчивому воспроизводству;

традиционная система жизнеобеспечения включает сами территории с биологическими и другими традиционными ресурсами, соционормативные институты, обеспечивающие

долговременность использования возобновляемых природных ресурсов и передачу экологически и этнически значимой информации (язык, фольклор, мировоззрение, организационная структура социальных и хозяйственных коллективов, система сезонного и пространственного расположения стационарных и промысловых поселений, стойбищ, маршрутов кочевков, промысловых угодий, пастбищ, сакральных (священных) территорий, изъятых из хозяйственного оборота, популяции одомашненных животных и способы их содержания, транспортные средства, промысловые запреты, способы лова, добычи, сбора растений и обработки продукции, знание съедобных, лекарственных и промысловых растений и минералов, навыки в изготовлении орудий труда и предметов домашнего обихода, воспитание детей) [11].

В 1989 году Международной организацией труда (МОТ) при участии Комитета по экономическому и социальному развитию ООН была принята Международная конвенция «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». На международных форумах и конференциях представители коренных народов, в том числе коренные малочисленные народы Севера России, заявляют, что самое важное для них – законодательное закрепление права на сохранение доступа к традиционным ресурсам.

Причиной торможения законодательного процесса и ратификации вышеназванной Конвенции является попытка внедрения в правовую систему особых норм и прав, бенефициарии которых избираются по этническому признаку. Положение усугубляется некоторой расплывчатостью формулировок конвенции при определении субъекта права «коренных и ведущих племенной образ жизни народов» (ст. 1) и основного субъекта пользования (ст. 14): за соответствующими народами признаются права собственности и владения на земли, которые они традиционно занимают.

Определить субъекты права в национальном законодательстве в соответствии с конвенцией каждой стране-участнице предоставляется самой. В России пошли по пути создания особого правового статуса коренных малочисленных народов и территорий их традиционного природопользования, что привело в свою очередь к новым проблемам: определению списка коренных малочисленных народов и границ территорий традиционного природопользования. Составить список коренных народов, подпадающих под действие указанной конвенции, оказалось сложно, поскольку у коренных малочисленных народов Севера процесс этнической идентификации носит ситуативный характер (территориальная подразделенность, различная степень интегрированности в современное общество, политическая ситуация и др.).

О. А. Мурашко отмечает, что особо сложно это сделать в нашей стране, где в 1920-е годы произошел научный и административный пересмотр дореволюционных этнических названий народов; где этническая идентификация фиксируется в документах, удостоверяющих личность; где при широком обсуждении возможности получения этнических прав многие потомки коренных малочисленных народов смешанного происхождения, некогда зафиксировавшие свою принадлежность к доминирующему этносу, в настоящее время стремятся документально восстановить свою принадлежность к малочисленным народам, используя то старые, то новые названия [12].

Так, С. В. Соколовский рассматривает типологию понятия «коренной народ» в российском законодательстве. Современные трактовки понятия «аборигенные народы Севера» в законодательстве, социальных науках и политической практике влияют на представления, истоки которых – в истории государства и общества, например «туземцы», «иногородцы», «иноверцы», «ясачные» и др., а также широкий спектр современных понятий – коренные малочисленные народы, малочисленные этнические общности, этнические меньшинства, народы Севера, коренные этносы, автохтонные народы, этнические сообщества, сообщества малочисленных народов, северные этносы и т. д. [13, 74–89].

Вторая проблема, возникшая у законодателей, – определение границ территорий, которые коренные малочисленные народы традиционно занимают. Но определить бесконфликтно границы территорий традиционного расселения коренных малочисленных народов невозможно. В связи с этим О. А. Мурашко выделил три причины, не позволяющие определить границы территорий. Во-первых, некоторые народы ведут кочевой или полукочевой образ

жизни и в настоящее время расселены далеко даже от тех территорий, где они были зафиксированы 200 лет назад. Во-вторых, многие народы проживают чересполосно, занимая на одних и тех же территориях различные природохозяйственные зоны; так, оседлые рыболовы живут в бассейнах рек, а по водоразделам этих же рек кочуют оленеводы. В-третьих, современное расселение коренных народов является в немалой степени и результатом насильственных перемещений этих народов, а их традиционные территории заняты другими.

Рассматривая различные дефиниции понятия «коренные малочисленные народы Севера», можно заметить, что основополагающим признаком выделения является сохранение традиционной системы их жизнеобеспечения, благодаря ведению оленеводства и промыслового хозяйства (охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, сбор дикорастущих растений).

Основополагающим признаком, по мнению большинства экспертов, является особый характер традиционных занятий – 87,1%. Далее приводим наиболее часто отмеченные признаки в порядке убывания их значимости: специфика хозяйственной деятельности, образа жизни и культуры – 64,3%; общий язык – 57,1%; общность религии – 44,3%; особое самоназвание – 34,3%; сознание своего единства и отличие от других подобных образований (самосознание) – 24,3%.

Такие признаки, как малая численность, общность истории, традиций, ценностей, социально-психологический склад и общность территории, были отмечены незначительной (менее 10%) частью экспертов.

Задачей концепции развития коренных малочисленных народов Севера является обоснование необходимости переноса акцентов в работе над законодательством о правах данных народов с проблем национально-политических на проблемы сохранения культурного и природного наследия территорий расселения их потомков, сохранивших традиционный образ жизни и традиционные формы хозяйствования.

Представители коренных малочисленных народов Севера, уже вписавшиеся в современное индустриальное общество, для охраны своих этнических и гражданских прав нуждаются в других законах: в правах на свободу этнической идентификации, использования родного языка, развития национальной культуры, создания объединений по национальному признаку, развития национальных институтов самоуправления.

Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера можно разделить на две: 1) статус коренных малочисленных народов Севера, гарантирующий им равные права на сохранение и развитие национальной культуры; 2) сохранение природной среды, территории традиционного природопользования, закрепления их в собственность за малочисленными народами Севера.

Вывод

Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера сокращаются за счёт прямого расширения площадей нефтедобычи, что обусловило: 1) неблагоприятные социально-экономические условия жизни коренных малочисленных народов Севера; 2) сокращение территорий, пригодных для развития традиционного природопользования и поддержания традиционной системы жизнеобеспечения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в сельской местности. Несмотря на наличие большого числа федеральных и региональных законов, права малочисленных народов Севера на свое развитие, на территории традиционного природопользования защищены слабо. При оценке ценностей в России: нефть и газ, и коренные малочисленные народы, приоритет отдается энергетическим ресурсам, поэтому у малочисленных народов Севера нет собственности на территории традиционного природопользования.

Литература

1. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 83–94.
2. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири // Магазин землевладения и путешествий. М., 1860. 495 с.
3. Якобий А. И. Угасание инородческих племен Тобольского Севера. СПб., 1900. 38 с.

4. Богораз В. Г. О первобытных племенах. (Наброски к проекту организации управления туземными племенами) // Жизнь национальностей. 1922. № 1.
5. Хайруллина Н. Г. Социодиагностика этнокультурной ситуации в северном регионе. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2000. 466 с.
6. Концепция развития народностей Севера СССР на период 1991-2010 гг. (проект). Новосибирск, 1988. С. 69.
7. Крупник И. И. Основные направления этноэкологии американской Арктики. Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. М. : Наука, 1988. С. 118.
8. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 88.
9. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 89.
10. Пика А. И. Малые народы Севера: из первобытного коммунизма в «реальный социализм» // В человеческом измерении. М. : Прогресс, 1989. 320 с.
11. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5.
12. Мурашко О. А. Этноэкологический рефугиум: концепция сохранения традиционной культуры и среды обитания коренных народов Севера // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 84.
13. Соколовский С. В. Понятие “коренной народ“ в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–89.

References

1. Murashko O. A. Jetnoekologičeskij refugium: koncepcija sohraneniija tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 83–94.
2. Kastren M. A. Puteshestvie po Laplandii, Severnoj Rossii i Sibiri // Magazin zemlevladienija i puteshestvij. M., 1860. 495 s.
3. Jakobij A. I. Ugasanie inorodčeskikh plemen Tobol'skogo Severa. SPb., 1900. 38 s.
4. Bogoraz V. G. O pervobytnyh plemenah. (Nabroski k proektu organizacii upravlenija tuzemnymi plemenami) // Zhizn' nacional'nostej. 1922. № 1.
5. Hajrullina N. G. Sociodiagnostika jetnokul'turnoj situacii v severnom regione. Tjumen' : Izd-vo TjumGNGU, 2000. 466 s.
6. Koncepcija razvitija narodnostej Severa SSSR na period 1991-2010 gg. (proekt). Novosibirsk, 1988. S. 69.
7. Krupnik I. I. Osnovnye napravlenija jetnoekologii amerikanskoj Arktiki. Jekologija amerikanskih indejcev i jeskimosov. Problemy indeanistiki. M. : Nauka, 1988. S. 118.
8. Murashko O. A. Jetnoekologičeskij refugium: koncepcija sohraneniija tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S.88.
9. Murashko O. A. Jetnoekologičeskij refugium: koncepcija sohraneniija tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 89.
10. Pika A. I. Malye narody Severa: iz pervobytnogo kommunizma v «real'nyj socializm» // V chelovecheskom izmerenii. M.: Progress, 1989. 320 s.
11. Murashko O. A. Jetnoekologičeskij refugium: koncepcija sohraneniija tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5.
12. Murashko O. A. Jetnoekologičeskij refugium: koncepcija sohraneniija tradicionnoj kul'tury i sredy obitanija korennyh narodov Severa // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 84.
13. Sokolovskij S. V. Ponjatie “korenoj narod“ v rossijskoj nauke, politike i zakonodatel'stve // Jetnograficheskoe obozrenie. 1998. № 3. S. 74–89.